

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

филологический факультет

кафедра славянской филологии

Трубникова Евгения Андреевна

ПЕРЕВОД БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ

И.ИЛЬФА И Е.ПЕТРОВА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»

НА СЕРБСКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Выпускная бакалаврская работа

по направлению 035700 «Лингвистика»

Научный руководитель: к.ф.н. И.В. Гучкова

Рецензент: к.ф.н., доц. А.Г. Бодрова

Санкт-Петербург

2017 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ. ОБЗОР НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	5
ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТЕ РОМАНА ИЛЬФА И ПЕТРОВА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»	12
ГЛАВА 3. АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК	18
ВЫВОДЫ.....	35
ГЛАВА 4. АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК	37
ВЫВОДЫ.....	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	61
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	65

ВВЕДЕНИЕ

Проблема перевода безэквивалентной лексики — одна из важных проблем теории и практики перевода. Каждый язык, отражая мировоззрение, обычаи и быт народа, содержит в себе языковые единицы, не имеющие полного эквивалентного перевода или даже семантически близкого понятия в других языках.

В данной работе рассматривается безэквивалентная лексика русского языка. Материалом исследования служит роман Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Золотой теленок» и последние издания его переводов на сербский и английский языки (американский вариант). Выбор данного романа обусловлен наличием в нем большого количества слов, отражающих реалии русской культуры, а также слов, вошедших в русский язык в 20–х гг. XX в. и отражающих советскую реальность (советизмы).

Актуальность данного исследования заключается в том, что с течением времени, в ходе изменения разговорного языка, появляются все новые реалии, к которым переводчикам приходится подбирать семантические эквиваленты. Кроме того, на сербском языке роман «Золотой теленок» многократно издавался с 1946 по 2015 гг., на английском языке роман издавался трижды (1932, 1962 и 2009 гг.). С каждым новым переводом читатель оказывается все дальше от описанной в романе действительности, и перед переводчиками стоит непростая задача сохранить план содержания лексемы и адекватно донести смысл этой лексемы до читателя.

Новизна данной работы состоит в том, что до настоящего времени переводы романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» не подвергались переводоведческому анализу, в то время как в романе содержится множество особенностей, затрудняющих процесс перевода и представляющих интерес с точки зрения теории и практики перевода.

К проблеме определения термина «безэквивалентная лексика», обращались многие исследователи: Л. К. Латышев в своей работе «Технология перевода», Л. С. Бархударов в работе «Язык и перевод», Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в книге «Язык и культура». Безэквивалентную лексику рассматривает также А. Б. Федоров в своей работе «Основы общей теории перевода» и многие другие авторы.

Цель данного исследования — определение, классификация и оценка способов перевода безэквивалентной лексики русского языка на сербский и английский языки.

В соответствии с поставленной целью, были определены следующие задачи исследования:

1. Рассмотреть теоретическую литературу, посвященную проблеме перевода безэквивалентной лексики;

2. Систематизировать терминологический аппарат по проблеме перевода безэквивалентной лексики;

3. Выделить безэквивалентную лексику в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» и выбрать наиболее репрезентативные примеры для анализа их переводов на сербский и английский языки;

4. Дать классификацию безэквивалентной лексики по тематическим группам;

5. Определить способы перевода, выбранные Николаем Николичем при переводе романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» на сербский язык и переводчиками Константином Гуревичем и Хелен Андерсон — на английский язык;

6. Определить полноту передачи значений безэквивалентной лексики названными переводчиками;

7. Дать оценку выбранных способов перевода безэквивалентной лексики.

ГЛАВА 1. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ. ОБЗОР НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В теории перевода существует проблема терминологического определения слов, непереводаемых с одной языковой системы на другую. Как сообщают авторы работы «Непереводимое в переводе» С. Влахов и С. Флорин, о переводе безэквивалентной лексики заговорили только в начале 50-х гг. [Влахов, Флорин, 1980: 5].

Резюмируя историю изучения данного вопроса, Влахов и Флорин упоминают работы Л. Н. Соболева, который дает следующее определение термина «реалия»: «это те слова национального быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах».

А. Е. Супрун использует термин «экзотическая лексика», или «экзотизмы», подразумевая под этим «лексические единицы, обозначающие географические и исторические реалии: уикенд, доллар, колледж и др.» [Супрун, 1958: 50].

Термин «безэквивалентная лексика» использовали Г. В. Чернов и Г. В. Шатков в своих диссертационных работах, причем последний определял безэквивалентную лексику как «лексические единицы любого языка, которые на определенном историческом отрезке времени совсем не имеют готовых эквивалентов в лексике другого языка» [Шатков, 1952: 205]. К безэквивалентной лексике Шатков относит слова-реалии, отдельные лексемы, некоторые выражения. А. В. Федоров пользуется определением безэквивалентной лексики, которую дают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в книге «Язык и культура»: это «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т. е. к культурным

элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Верещагин, Костомаров, 1973: 53].

Влахов и Флорин пользуются термином «реалия», определяя его следующим образом — «обозначения слов, называющих элементы быта и культуры, исторической эпохи и социального строя, государственного устройства и фольклора, т. е. специфических особенностей данного народа, страны, чуждых другим народам и странам» [Влахов, Флорин, 1980: 6]. Они также разграничивают понятия «реалия» и «безэквивалентная лексика»: исключают из сферы охвата термина «реалия» имена собственные, рассматривая их как самостоятельный класс безэквивалентной лексики [Влахов, Флорин, 1980: 13]. Кроме того, рассматривая такие слова, как «снег» или «пальма», которые не имеют «материального покрытия» [Влахов, Флорин, 1980: 31] в той или иной стране, ученые относят их к безэквивалентной лексике и экзотизмам. Тем самым исследователи выделяют «экзотизмы» в отдельную группу безэквивалентной лексики. Таким образом, понятие «безэквивалентная лексика» является более широким, чем «реалия».

Термин «безэквивалентная лексика» использует также Латышев, подразумевая под этим «слова и устойчивые словосочетания ИЯ, не имеющие в системе ПЯ соответствий в виде лексических единиц», где «ИЯ» — это исходный язык, язык оригинала, а «ПЯ» — это переводящий язык, язык перевода [Латышев, 2005: 166].

Определение Бархударова, вероятно, отличается наибольшей разработанностью: он приводит полный перечень языковых единиц, относящихся к безэквивалентной лексике, и делит их на три группы. Согласно Бархударову, безэквивалентная лексика — это «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые

не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [Бархударов, 2010: 94]. К ним Бархударов отнес:

1. Имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет, пароходов и пр., не имеющие постоянных соответствий в лексиконе другого языка.

2. Так называемые реалии, то есть слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Сюда относятся слова, обозначающие предметы материальной и духовной культуры, свойственные только данному народу, например, названия блюд национальной кухни (русск. *щи, борщ, рассольник, квас, калач*; англ. *muffin, haggis, toffee, butter-scotch, sundaes* и пр.), видов народной одежды и обуви (русск. *сарафан, душегрейка, кокошник, лапти*), народных танцев (русск. *трепак, гопак*; англ. *pop-gocs-the-weasel*), видов устного народного творчества (русск. *частушки*; англ. *limericks*) и т. д. Сюда же входят слова и устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления (русск. *агитпункт, красный уголок, ударник, дружинник, трудовая вахта*; англ. *primaries, caucus, lobbyist*), торговые и общественные заведения (русск. *дом культуры, парк культуры и отдыха*; англ./амер. *drugstore, grill-room, drive-in*) и проч.

3. Лексические единицы, которые можно назвать случайными лакунами. Имеются в виду те единицы словаря одного языка, которым по каким-то причинам нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка [Бархударов, 2010: 94].

В упомянутых работах Федорова, Бархударова и Латышева перечисляются различные приемы передачи безэквивалентной лексики при переводе на иностранный язык.

Бархударов, работа которого «Язык и перевод» используется в качестве теоретической базы настоящего исследования, выделяет следующие приемы перевода безэквивалентной лексики: транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод и приближенный перевод.

При **транслитерации** средствами языка перевода передается графическая форма (буквенный состав) слова языка оригинала, а при **транскрипции** — его звуковая форма [Бархударов, 2010: 97]. По мнению Верещагина и Костомарова, транслитерация является неудачным способом перевода безэквивалентной лексики, так как смысл лексемы остается непонятным для читателей [Верещагин, Костомаров, 1980: 198]. Однако очень часто этот способ применяется, чтобы сохранить национально-культурный колорит и самобытность. Иногда при использовании транслитерации толкование лексемы дается в виде сноски, однако большое количество сносок затрудняет чтение.

Прием **калькирования** заключается в том, что безэквивалентная лексика передается на язык перевода с помощью замены составных частей (морфем или слов) их прямыми лексическими соответствиями в языке перевода [Бархударов, 2010: 99]. По мнению Будагова, калькированием следует переводить лексемы, которые со временем приобрели новые значения в составе устойчивых (терминологических) словосочетаний, хотя до этого они имели эквивалентный перевод на иностранные языки, например, *ударный труд*, *пионерское звено* и т.д. [Будагов, 1977: 9].

Описательный перевод подразумевает раскрытие значения лексической единицы языка оригинала при помощи развернутых словосочетаний, которые раскрывают признаки обозначаемого данной лексической единицей явления. Другими словами, описательный перевод — это определение соответствующего понятия на языке перевода [Бархударов, 2010: 99].

Используя **приближенный перевод**, переводчик, за неимением прямого соответствия лексемы в переводящем языке, подыскивает ближайшее по значению соответствие [Бархударов, 2010: 101].

Бархударов выделяет также прием **трансформационного перевода**, когда переводчику приходится перестраивать синтаксическую структуру предложения, изменять полное значение исходного слова или прибегать одновременно к первому и второму способу [Бархударов, 2010: 102].

Изучение проблемы перевода безэквивалентной лексики представляется очень важным аспектом не только переводоведения, но и преподавания иностранного языка, так как требует не только объяснить слово, но и ситуацию, в которой оно употребляется. При этом важна максимально точная семантизация понятий, отсутствующих в языке перевода [Воскресенская, 1977: 111]. В настоящей работе самой большой группой безэквивалентной лексики являются слова, обозначающие политические и общественные явления советской действительности, которые сложно понять носителям английского языка. Частично эти понятия доступны для носителей сербского языка, так как в Югославии также был социалистический режим. Стоит отметить, что с течением времени и со сменой политических режимов многие понятия в романе становятся непонятными и для русских читателей, что еще больше усложняет перевод на иностранные языки.

При переводе стоит учитывать, что некоторые слова, имеющие эквивалент в другом языке, теряют при переводе эмоциональную окраску и, соответственно, искажается их семантика. Об этом пишет Л. Т. Микулина в работе «Национальное своеобразие русской коннотативной лексики», приводя в качестве примера слово *фикус*, которое в русском языке символизирует уют, достаток, а также мещанский быт, в то время как английский эквивалент данному слову — *rubber plant* — не имеет

никакой эмоциональной значимости для носителей английского языка [Микулина, 1977: 80].

Таким образом, перед переводчиком стоит непростая задача: с одной стороны, нужно передать национальный колорит, быт, социальное и политическое устройство, а с другой стороны, необходимо учитывать эмоциональную наполненность, чтобы максимально сохранить план содержания лексемы, подобрать такие слова, которые бы совпадали с фоновыми знаниями читателя.

Для анализа перевода безэквивалентной лексики следует рассмотреть понятия «адекватность» и «адекватный перевод». Исследователи вкладывают в эти понятия разные компоненты. Так, Алексеева дает следующее определение термину «адекватность»: «соответствие переведенного текста цели перевода» [Алексеева, 2006: 128]. В терминологическом словаре-справочнике РАН «Основные понятия переводоведения» отмечено, что понятие «адекватности» оценочное [Основные понятия переводоведения, 2010: 9]. Федоров в работе «Основы общей теории перевода» пишет, что «принцип адекватности предполагает способность перевода выполнять ту же роль, какую играет оригинал, — быть источником художественного наслаждения» [Федоров, 2002: 112]. Говоря об адекватности перевода художественной литературы, Федоров указывает на эстетическую функцию художественного произведения: исходный текст и переведенный текст должны вызывать у читателя одинаковое впечатление.

Бархударов в работе «Язык и перевод» отмечает две главные составляющие адекватности перевода: «равный учет как прагматических, так и семантических факторов» [Бархударов, 2010: 132]. В работе Бархударова понятия «адекватность» и «эквивалентность» тождественны, в то время как Швейцер в работе «Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты» разграничивает эти понятия. По мнению Швейцера, адекватность

— это некий «компромисс, на который идет переводчик, жертвуя эквивалентностью для решения главной задачи», то есть адекватность имеет оптимальный характер [Швейцер, 1988: 95–96].

Таким образом, чтобы правильно оценить адекватность перевода выбранной для анализа безэквивалентной лексики, следует учитывать цели, которые преследовали авторы романа при создании художественного произведения, степень соответствия перевода оригиналу, а также потери, связанные с переводом безэквивалентной лексики.

ГЛАВА 2. КЛАССИФИКАЦИЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТЕ РОМАНА ИЛЬФА И ПЕТРОВА «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК»

Как было сказано в предыдущей главе, в данной работе используется классификация безэквивалентной лексики Бархударова, изложенная в его труде «Язык и перевод». Поскольку ни одна классификация не способна вместить в себя все группы безэквивалентной лексики в силу ее разнообразия и специфичности в каждом авторском тексте, было решено расширить данную классификацию исходя из собранного материала, что позволит облегчить анализ решений переводчика. Ниже приведены сводные таблицы с безэквивалентной лексикой на русском языке и ее переводом на сербский язык и на английский язык. Для подробного анализа выбраны следующие тематические группы лексем:

1. Имена собственные:

русский	сербский	английский
Шура Балаганов	Шура Балаганов	Shura Balaganov
Талмудовский	Талмудовски	Talmudovsky
Пятница	Пјатница	Friday
Федор Никитич	Фјодор Никитич	Fyodor Nikitich
Хворобьев	Хворобјов	Khvorobyov
Плотский-Поцелуев	Плотски-Поцелујев	Platonikov-Pervertov
Зося	Зосја	Zosya
Зосенька	Зосењка	Zosya sweetheart/dear
Семен Васильевич	Семјон Васильевич	Semen Vasilyevich
Небаба	Небаба	Nebaba
Васисуалий Андреевич	Васисуалиј Андрејевич	Basilius Andreevich
Лоханкин	Лоханкин	Lokhankin

Гигиенишвили	Гигијенишвили	Hygienishvili
Старохамский	Старохамски	Starokhamsky
Ухудшанский	Ухудшањски	Ukhudshansky
Святогатацкий	Свјатотатски	Indignatyev
Самообложенский	Самообложенски	Overarchangelsky
Серна Михайловна		Impala Michailovna
Индокитайский		Indochinov
Справченко		Spravchenko
Лапшин		Lapshin

В анализ перевода на английский язык добавлены фамилии *Индокитайский*, *Справченко* и *Лапшин*, так как при их переводе переводчики использовали разные методы, несмотря на то, что данные персонажи встречаются в одной главе и их роль в романе в целом равнозначна (второстепенные персонажи). Добавлено также имя *Серна Михайловна*, так как оно переведено не стандартным приемом транслитерации, что представляет интерес для анализа.

2. Так называемые реалии, то есть слова, обозначающие предметы, понятия и явления, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. К этой группе относятся:

а) предметы материальной культуры:

русский	сербский	английский
братина	качица	bowl
балалайка	балалајка	balalaika
самовар (самоварная судьба, самоварная морда)	самовар (самоварска судбина, лицо боје самовара)	samovar (samovarian fate, teapot face)
баня	купатило	bathhouse

б) предметы и явления духовной культуры (фольклор, обычаи):

русский	сербский	английский
гуси-лебеди	птићи моји, соколићи	boys and girls
жар-птица	жар-птица	Firebird
богатыри	руски народни јунаци	knights
Кашей	Кашчеј	Kashchey
Соловей-разбойник	друмски разбојник	Nightingale the Robber
Добрыня Икитич	Добриња Никитич	Dobrynya Nikitich
Илья Муромец	Иља Муромец	Ilya Muromets
Алеша Попович	Альоша Попович	Alyosha Popovich
масленичное гулянье	велика забава	carnival

в) названия блюд национальной кухни и деталей народного костюма:

русский	сербский	английский
самогон	самогон	moonshine
кефир	јогурт	kefir
косоворотка	кошуља	cross-stitched Russian-style shirt

г) слова и устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления:

русский	сербский	английский
тайный советник	тајни саветник	his excellency
ударники/мечта ударника	ударник	worker/shockworker's dream
большевик	большевик	bolshevik
толстовец	толстојевац	tolstoyan

пятилетка	петолетка	Five-Year Plan
wolokita	волокита	obstrukzionizm
купец второй гильдии	провинцијски трговчић	barroom brawler
низовка	нижни положај	be demoted

В этой тематической группе следует отдельно отметить сложносокращенные слова, обозначающие явления советской действительности:

русский	сербский	английский
истпарт	историја партије	Official Soviet historians
пролеткульт	Пролеткулт	Proletkult
местком	месни комитет	Local union committee
примкамера		The arbitration chamber
наркомфин	народни комисаријат за финансије	The Commissariat of Finance
нэп	неп	The New Economic Policy / NEP
нэпман	непман / послован човек / присталица нове економске политике	businessman / entrepreneur
политфанты	политичке фоте	political board games
колхоз, колхозный	колхоз, колхозни	collective farm
совхоз	совхоз	state farm
комсомолка	комсомолка	Young Communist League girl
жилтоварищество	стамбена задруга	High society
промфинплан	индустријско-	quotas

	финансијски план	
коммуотдел	комунално одељење	Municipal Affairs Department
осоавиахимовцы	Осоавиахимовци со сносной «Чланови друштва за противваздушну одбрану»	Volunteers from the Society for Defense and Aviation
нарпитовская столовая	народна менза	city diner
чека	чека	cheka

3. Экспрессивная лексика с негативно-оценочным значением (лексика, появившаяся в русском разговорном языке в первой трети XX в. или приобретающая в это время негативную коннотацию):

русский	сербский	английский
рвачество	грамзивост	excessive greed
халтурщик	надримајстор	charlatan
лабазник	трговац житарицама	hack
разгильдяйство	нехај	irresponsibility
обезличка	неодговорност / непринципијелност	avoidance of responsibility
переверзевщина	переверзевштина	anti-marxist distortions
гусарство	банчење	acting like a drunken sailor
кавалергардство	разметање	
летун	тица селица	job-hopper

4. Авторские неологизмы:

русский	сербский	английский
художник-пушкарь	сликар-тобџија	a con artist
милиция-троеручица	милиџија-тројеручица	Holy Mother of Divine Interception
табуретовка	табуретовка	chair brew
кишмишовка	од сувог грожђа	raisin brew

ГЛАВА 3. АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ НА СЕРБСКИЙ ЯЗЫК

1. Имена собственные (здесь и при анализе следующих тематических групп в скобках дается перевод данных лексем на сербский язык, предложенный Н. Николичем):

Шура Балаганов (Шура Балаганов)

Талмудовский (Талмудовски)

Пятница (Пјатница)

Федор Никитич Хворобьев (Фјодор Никитич Хворобјов)

Плотский-Поцелуев (Плотски-Поцелујев)

Зося (Зосја)

Зосенька (Зосењка)

Семен Васильевич Небаба (Семјон Васильевич Небаба)

Васисуалий Андреевич Лоханкин (Васисуалиј Андрејевич Лоханкин)

Гигиенишвили (Гигијенишвили)

Старохамский (Старохамски)

Ухудшанский (Ухудшањски)

Святотацкий (Свјатотатски)

Самообложенский (Самообложенски)

При переводе имен, отчеств и фамилий переводчик применил метод транскрипции, сохранив звучание имен собственных в таком виде, в каком они представлены в языке оригинала. Однако И. Ильф и Е. Петров часто использовали такой литературный прием, как говорящие фамилии, которые характеризуют личность героя, отражающую, в свою очередь, соответствующую эпоху. В данной работе проанализированы наиболее яркие примеры говорящих фамилий. Все они были также переведены с помощью транскрипции, из-за чего многие утратили свое значение.

Например, в сербском языке нет слов *лоханка*, *балаган*, *святотатство*, *ухудшаться* и *самообложение*, от которых произошли фамилии *Лоханкин*, *Балаганов*, *Святотацкий* и *Самообложенский*. Соответственно, потерялась характеристика данных персонажей, заложенная в их фамилиях. В сербском языке есть заимствованное из венгерского слово *хам*, однако значение его совершенно иное: «конная упряжь для повозки» [Речник српскохрватског књижевног језика (Матица Српска — Матица Хрватска); далее в тексте — МС-МХ]. В данном случае можно говорить о межъязыковой омонимии, однако слово *хам* в сербском языке относится к историзмам, и носители языка вряд ли свяжут его с фамилией *Старохамски*. В данной фамилии носитель сербского языка может распознать только общеславянский корень «стар».

При переводе на сербский язык потерялась ирония, связанная с фамилией *Самообложенский*: «Мощная выя командора сгибалась под тяжестью архиерейского наперсного креста с надписью "Во имя отца и сына и св. духа", который был приобретен у бывшего иподиакона кафедрального собора гражданина *Самообложенского*» [Ильф, Петров, 2015: 408]. Мотивирующее слово «самообложение» («добровольное обложение взносами на удовлетворение местных культурных и хозяйственных нужд, установленной самим населением» [Ушаков, 2007]) придает фамилии *Самообложенский* значение «человек, окружающий себя множеством ценных вещей».

Фамилия *Плотский-Поцелуев*, передающая похотливый и приземленный характер ее носителя, из-за использования приема транскрипции также утратила свое значение: слово *плотский* переводится на сербский язык как *телесни*, *чулни*, а слово *поцелуй* — как *польубац*.

Фамилия *Хворобьев*, объединяющая в себе слова «хворь» (серб. *болест*, *болька*, *болештина*) и «воробей» (серб. *врабац*), у носителей языка также не может вызывать никаких ассоциаций. В языке оригинала же

можно проследить связь фамилии с самим героем, который болезненно и робко реагировал на все изменения и, не в силах принять советскую действительность, вышел на пенсию, переселившись далеко за город.

Фамилия *Пятница*, вызывающая у носителя русского языка ассоциации со словами *пьяница* и *пятница*, возможно, в сознании носителя сербского языка вызовет ассоциацию со словом *пјаница* (серб. «пьяница»), но не вызовет ассоциации с последним рабочим днем недели: сербское слово *петак* («пятница») фонетически слишком удалено от лексемы *Пјатница*.

Тем не менее, благодаря общим для русских и сербских языков славянским и интернациональным корням, некоторые фамилии сохраняют свое символическое значение в сербском языке даже при использовании приема транскрипции. Это фамилии *Небаба* (серб. *баба*), *Талмудовски* (серб. *талмуд*), *Гигијенишвили* (серб. *хигијена*), причем в последнем примере сохранена национальная отнесенность, выраженная суффиксом «швили». Несмотря на незначительные фонетические различия в русском и сербском словах *гигиена* и *хигијна*, благодаря сходному звучанию нетрудно определить значение корня в фамилии *Гигијенишвили*.

Важно также отметить, что в имени *Зосенька* переводчик сохранил русский уменьшительно-ласкательный суффикс «еньк», которому в сербском языке соответствует суффикс «иц». Однако суффикс «еньк» не распознается носителем сербского языка как уменьшительно-ласкательный, и читатель может решить, что *Зося* и *Зосенька* — это два разных героя.

2. Так называемые реалии, то есть слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке:

а) предметы материальной культуры:

Братина (качица)

Балалайка (балалајка)

Самовар, самоварный (самовар, самоварски)

Баня (купатило)

Названия таких русских реалий, как *балалайка* и *самовар*, переведены с помощью транслитерации. Более того, слово *самоварный*, которое употребляется в некоторых местах в качестве эпитета (*на самоварной морде, самоварную судьбу*), переведено так же или незначительно трансформировано (*на лицу боје самовара, самоварску судбину*). Стоит отметить, что подобные реалии на многие языки мира переводятся транслитерацией (англ. *balalaika, samovar*; нем. *balalaika, samowar*; чеш. *balalajka, samovar*).

Русское слово *баня*, эквивалента которому нет в сербском языке, переведено как *купатило* («ванная»): в данном случае использован приближенный перевод, выбрано ближайшее по значению соответствие в языке перевода. Слово *братина* переведено приближенно как *качица* (кадушка).

б) предметы и явления духовной культуры — фольклор, обычаи:

Гуси-лебеди (птићи моји, соколићи)

Жар-птица (жар-птица)

Богатырь (руски народни јунак)

Кощей (Кашчеј)

Соловей-разбойник (друмски разбојник)

Добрыня Никитич (Добриња Никитич)

Илья Муромец (Иља Муромец)

Алеша Попович (Альоша Попович)

Масленичное гулянье (велика забава)

В данной группе слов присутствуют имена героев русского устного народного творчества, которые переданы с помощью транскрипции: *Кашчеј, Добриња Никитич, Иља Муромец, Альоша Попович*.

Лексические единицы *богатырь* и *масленичное гулянье* переведены с помощью описательного перевода, суть которого заключается в передаче значения лексической единицы языка оригинала при помощи развернутых словосочетаний, которые раскрывают признаки обозначаемого данной лексической единицей явления. При переводе словосочетания *масленичное гулянье* упущена культурологическая отсылка. В сербском языке есть понятие *Бела неделя*: «неделя, которая предшествует Великому посту, между Мясоедом и последним днем Масленицы» [Појмовник српске културе]. Однако переводчик этим вариантом не воспользовался.

Слово *богатырь*, будучи реалией русского фольклора, переводится на другие языки транслитерацией (англ. *bogatyр*; нем. *Bogatyр*; чеш. *bohatýr*), хотя у каждой нации, разумеется, есть свои слова, обозначающие народных героев (англ. *hero*; нем. *Held*; чеш. *hrdina*). Переводчик использует описательный (разъяснительный) перевод *руски народни јунак*, так как в сербской народной традиции также существуют герои (серб. *јунак*), чьи качества в основном схожи с качествами русских богатырей.

Словосочетание *Соловей-разбойник* переведено как *друмски разбојник*, что можно отнести к описательному переводу, так как этот вариант перевода передает суть героя: это человек, который разбойничает на дорогах.

Лексема *жар-птица* переведена с помощью транслитерации, а *гуси-лебеди* («*Ну, гуси-лебеди, где были, что подельвали?*» [Ильф, Петров, 2015: 270]), переведены как *птићи моји, соколићи* («*Па, птићи моји, соколићи, где сте то били и шта сте опет забрљали?*» [Ильф, Петров, 2015: 221]). В данном случае можно говорить о приближенном переводе, при котором

переводчик использовал характерный для сербских народных песен образ — *соколић*. Данный образ можно встретить, например, в поэме Петра Петровича Негоша «Свободиада»:

Како Срби опазише
да Данило с Гором Црном
изгна Турке и пос'јече
из области Горе Црне,
одма сташе долећиват
на глас мили од слободe
како хитри *соколићи*
кад их зивне цар свјетлости
и тешки им синцир сломи
у који их ноћца веже.

Таким образом утрачивается связь с персонажами русских народных сказок, помощниками отрицательного героя Бабы-Яги. Однако в сербском переводе прослеживается нотка иронии, когда Остап Бендер обращается к своим нерадивым помощникам как *птићи моји, соколићи*, что также придает тексту фольклорную окраску.

в) названия блюд национальной кухни и деталей народного костюма:

Самогон (самогон)

Кефир (йогурт)

Косоворотка (кошуља)

Название реалии *самогон* переведено с помощью транслитерации, однако переводчик решил уточнить это слово пояснением *домаћа ракија*: «Њима треба селачки самогон, домаћа ракија, а не село!» [Ильф, Петров, 2015: 71], в то время как в тексте оригинала эта строка звучит следующим образом: «Деревенский самогон им нужен, а не деревня» [Ильф, Петров, 2015: 82].

Для слов *кефир* и *косоворотка* были найдены синонимы в сербском языке; здесь можно говорить о приближенном переводе, когда переводчик подыскивает ближайшее по значению соответствие в языке перевода.

в) слова и устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления:

Тайный советник (тајни саветник)

Ударник (ударник)

Большевик (большевик)

Толстовец (толстојевац)

Пятилетка (петолетка)

Wolokita (Волокита — со сноской «Бирократа»)

Купец второй гильдии (провинцијски трговчић)

Низовка (нижни положај)

Слово *Wolokita*, написанное в оригинале на латинице для подражания немецкой речи, переведено как *волокита*, но уже передано кириллицей: переводчик употребил прием транслитерации, снабдив перевод сноской на слово *бирократа* («бюрократ»). Таким образом, у Ильфа и Петрова употреблена лексема, обозначающая отвлеченное понятие («бюрократия»), а сербский переводчик использует для пояснения лексему, обозначающую наименование лица — *бюрократ*.

Название реалии Российской Империи *тайный советник* переведено с помощью калькирования, то есть обе части выражения переведены дословно.

При переводе слова *низовка* ((нов. разг.). Низовой аппарат кооперации [Ушаков, 2007]) и сложного словосочетания *купец второй гильдии* Н. Николич использовал описательный перевод, из которого

можно вывести значения слова и словосочетания (*нижни положај, провинцијски трговчић*).

Слово *ударник*, заимствованное из русского, существует и в сербском языке; в словаре МС-МХ дается следующее его толкование: «выдающийся работник социалистического производства, который овладел техникой, предан своему делу и перевыполняет рабочие нормы». Эта реалья социалистического режима перестала быть исключительно советской реальией, проникнув в языки стран социалистического лагеря.

Слово *большевик* переведено транслитерацией; такой метод перевода данной политической реалии можно также найти во многих языках (англ. *bolshevik*, нем. *bolschewik*, чеш. *bolševik*).

Слово *толстовец* — член религиозно-этического движения «толстовство» — переведено калькированием с использованием сербского суффикса «*ац*».

Слово *пятилетка* переведено калькированием одной части и транслитерацией второй части слова — *петолетка*. Данная лексема на сербском языке зафиксирована в толковом словаре сербского языка [Речник српскога језика, 2007], в котором указано, что слово заимствовано из русского языка.

В этой тематической группе в отдельную подгруппу можно выделить сложносокращенные слова, обозначающие явления советской действительности:

Истпарт (историја партије)

Пролеткульт (Пролеткулт)

Местком (месни комитет)

Примкамера — перевод отсутствует

Наркомфин (народни комисаријат за финансије)

Нэп (неп)

Нџпман (непман/послован човек/присталица нове економске политике)

Политфанты (политичке фоте)

Колхоз, колхозный (колхоз, колхозни)

Совхоз (совхоз)

Комсомолка (комсомолка)

Жилтоваришество (стамбена задруга)

Промфинплан (индустријско-финансијски план)

Коммуналдел (комунално одељење)

Осоавиахимовцы (осоавиахимовци)

Нарпитовская столовая (народна менза)

Чека (чека)

Некоторые из этих политических реалий существовали и в Югославии, например, *стамбена задруга*. Существовали и собственные аббревиатуры, например, КПЈ (Комунистичка Партија Југославије), УДБА (Управа Државне Безбедности); ОЗНА (Одељење за заштиту народа), КОС (Контраобавештајна служба); сложносокращенные слова, характерные для советского времени, выявлены не были. Н. Николич для перевода данных лексем использовал разные способы, в том числе описательный и приближенный перевод, переводя сокращенные лексемы в развернутом виде, например, *народни комисаријат за финансије, политичке фоте, стамбена задруга, комунално одељење, народна менза, месни комитет, индустријско-финансијски план, историја партије*.

В данном списке также приведены слова, которые многими носителями русского языка уже едва ли воспринимаются как сокращения. Это такие слова как *колхоз, совхоз, чека, комсомолка*. Эти слова переведены методом транслитерации; таким же способом данные слова переводятся и на другие языки. Лексемы *колхоз* и *совхоз* зафиксированы в

толковом словаре МС-МХ: *колхоз* — «социалистическое коллективное сельское хозяйство, деревенская рабочая община (обычно в республиках СССР), *совхоз* — «государственная сельскохозяйственная собственность в СССР» [МС-МХ]. Лексема *комсомолка* также зафиксирована в вышеупомянутом словаре, и переводчик счел правильным использовать именно это слово, несмотря на то, что в Югославии также существовал Союз коммунистической молодежи Югославии СКОЈ (Савез комунистичке омладине Југославије). Использование транслитерации в данном случае можно охарактеризовать как адекватное переводческое решение.

Лексема *пролеткульт* переведена калькированием составных частей «пролетарская» и «культура» (серб. *пролетерска, култура*): в сербском варианте романа использована лексема *пролеткулт*, которая зафиксирована в словаре МС-МХ с пометой о том, что слово заимствовано из русского.

Лексема *нэпман* переведена в разных местах романа по-разному. В первом случае употреблен метод транслитерации: «Син главног революционара, па тражи паре од тамо неког приватног предузимача, од *непмана*» (здесь и далее в цитатах из романа курсив мой. — Е. А.) [Ильф, Петров, 2015: 15]. В следующем месте переводчик применил описательный перевод: «И он је с надмоћним смешком гледао на поједине *присталице нове економске политике...*» [Ильф, Петров, 2015: 55–56]. Далее Н. Николич перевел слово *нэпман* как *послован човек*, применив приближенный перевод «Он је био познат *послован човек*» [Ильф, Петров, 2015: 165].

Нельзя утверждать, что само слово *нэп*, переведенное как *неп*, было переведено с помощью транслитерации, так как при переводе словосочетания *новая экономическая политика* на сербский язык получается та же аббревиатура: *НЕП* («нова економска политика»). В данном случае переводчик с помощью сноски объясняет, что такое НЭП:

«НЕП: Нова економска политика, почетком двадесетих година у совјетској Русији. У то време настали су и нови богаташи, тзв. “непмани”» [Ильф, Петров, 2015: 14] (НЭП: Новая экономическая политика, в начале двадцатых годов в советской России. В то время появились новые богачи, т.н. «нэпманы»).

Лексема *примкамера* при переводе была опущена в следующих местах: «“...А я так и сказал: На ваше РКК примкамера есть, примкамера...”», «“Вывести! Из состава! Примкамера! В четыре года!”» [Ильф, Петров, 2015: 95]. Данные отрывки Николич перевел следующим образом: «“...Па ја сам то увек говорио...”» и «“Удалити га! Из управе! Петолетку за четири године!”» [Ильф, Петров, 2015: 82]. В данном контексте герой Хворобьев жалуется на смену режима и возникновение новых слов, отражающих новые явления, такие как *пролеткульт*, *местком*, *примкамера*, *совхоз*. Текст изобилует подобными сокращениями, что является отличительной чертой стиля повествования. Вероятно, слово *примкамера* можно было перевести с помощью калькирования словосочетания, от которого оно произошло — *примирительная камера*, по аналогии с переводом слов *местком*, *истпарт*, *наркомфин*. Примирительные камеры — это специальные органы, состоящие из представителей работодателя и рабочих, «которые создавались по обоюдному согласию сторон для разрешения в основном мелких конфликтов» [Морозов, 2007: 120]. Возможно, переводчику не удалось установить значение данного слова.

Лексема *осоавиахимовцы* в предложении «За палисадом шли *осоавиахимовцы*, держа винтовки вкривь и вкось, будто несли мотыги» [Ильф, Петров, 2015: 263] переведено методом транслитерации: *осоавиахимовци* со следующей сноской переводчика: «Чланови друштва за противваздушну одбрану» [Ильф, Петров, 2015: 215] (члены общества противовоздушной обороны). В другом месте использовано слово

осоавијахимовци с сохранением «ј» по аналогии с сербским словом *авијација* («Неизвестно, сколько бы еще времени Талмудовский переругивался с *осоавиахимовцами*...» [Ильф, Петров, 2015: 272] — «Не зна се колико би још трајала преприка између Талмудовског и *осоавијахимоваца*» [Ильф, Петров, 2015: 223]). В данном примере можно говорить о комбинации транслитерации и калькирования. Стоит также отметить, что название русского общества *Осоавиахим* переводится на сербский язык транслитерацией. Об этом свидетельствует следующий пример: «Северјугов шаље извештај председништву *Осоавиахима*» [Ильф, Петров, 2015: 132] — «Северюгов шлет рапорт президиуму *Осоавиахима*» [Ильф, Петров, 2015: 157]. В другом месте перевод слова *Осоавиахим* опущен («...вылетел по срочной командировке *Осоавиахима* за Полярный круг» [Ильф, Петров, 2015: 154] — «...одлетео је, хитно, по наређењу, иза поларног круга» [Ильф, Петров, 2015: 130]), что в данном случае не меняет смысла повествования. Вероятно, переводчик опустил название общества, чтобы не перегружать текст незнакомыми названиями.

4. Экспрессивная лексика с негативно-оценочным значением (лексика, появившаяся в русском разговорном языке в первой трети XX в. или приобретающая в это время негативную коннотацию):

Рвачество (грамзивост)

Халтурщик (надримајстор)

Лабазник (трговац житарицама)

Разгильдяйство (нехај)

Обезличка (неодговорност, непринципијелност)

Переверзевщина (переверзевштина — со сноской)

Гусарство (банчење)

Кавалергардство (разметање)

Летун (тица селица)

Данные слова относятся к коннотативной лексике [Верещагин, Костомаров, 1972: 34–36]. При сопоставлении определений слов, относящихся к коннотативной лексике, с определением слов, использованных при их переводе на иностранный язык, можно выявить, что их семантические доли (элементы содержания понятий) совпадают не полностью.

В словаре сербохорватского языка МС-МХ использованные переводчиком романа лексемы не сопровождаются пометами, отсылающими к предшествующим историческим периодам. Переводчик Н. Николич использовал при переводе слова, являющиеся близкими по значению, синонимичными лексемам в исходном языке. Они достаточно точно отражают смысл слова в исходном языке: например, слово *грамзивост* в словаре сербохорватского литературного языка МС-МХ имеет следующее толкование: «свойство алчного, жадного человека». Однако слово *рвачество* в русском языке имеет другие оттенки значения. Об этом пишет Виноградов в «Истории слов»: «В напряженной борьбе за социалистическое строительство рождается много слов с эмоциональными суффиксами, пригодных для того, чтобы заклеить те или иные отрицательные явления, например: учредилка (ср. курилка, предварилка и др.), уравниловка, обезличка, рвач и др.» [Виноградов, 1999: 944]. В слове *грамзивост* этот компонент значения отсутствует.

Слово *разгильдяйство* переведено способом трансформации. Сербское слово *нехај*, использованное Николичем, было подобрано в рифму к слову *бескрај* для создания емкого лозунга «Ауто-трком по бескрају и нехају», эквивалентного русскому «Автопробегом по бездорожью и разгильдяйству», в котором, кстати, рифмы нет. Значения русского слова *разгильдяйство* и сербского слова *нехај* приблизительно схожи: «Поведение разгильдяя, беспорядочность и нерадивость в делах» [Ушаков, 2007] — «нерадивость, равнодушие, бесчувственность» [МС-

МХ]. Однако важно также учитывать примеры использования данных слов, приведенные в словарных статьях толкового словаря, которые помогают выявить дополнительные компоненты значения слов. Для слов *рвачество* и *разгильдяйство* в словаре Ушакова приведены следующие примеры: «Положить конец разгильдяйству», «Искоренить рвачество». Данные примеры демонстрируют не столько значение слова, сколько отношение общества к понятию, что, в свою очередь, расширяет это понятие.

Слово *халтурщик* («Уже пишет, халтурщик» [Ильф, Петров, 2015: 103]), переведено как *надримајстор*, («горе-мастер, шарлатан»). Слово *халтурщик* употреблялось и до XX в. [Кобяков, 1975: 59], однако в данной работе оно отнесено к безэквивалентной лексике, так как первоначальное значение, «человек, выполняющий легкую работу» [Ушаков, 2007], приобрело отрицательный смысл и стало означать человека, который плохо выполняет работу.

Слово *лабазник* переведено как *трговац житарицама* («торговец зерном»), что является переводом основного значения данного слова «торговец лабаза». Петр Червинский в книге «Негативно-оценочные лексемы языка советской действительности» дает следующее определение слову «лабазник»: «Сытый, довольный, обеспеченный необходимыми продуктами, не испытывающий в них недостатка, не знакомый с голодом и потому бесчувственный и равнодушный к не имеющим того же» [Червинский, 2011: 149]. Вероятно, слово *лабазник* в романе можно трактовать двояко, ведь, во-первых, художник, о котором идет речь, действительно обеспеченный, а во-вторых, он создает свои картины разными знаками («Уже пишет халтурщик, — ответил заместитель Генриха Наваррского. — Овсом. К старой манере, говорит, перехожу. Жалуется, *лабазник*, на кризис жанра» [Ильф, Петров, 2015: 103]). В

сербском варианте перевода сохранено основное значение, но утрачено второе, метафорическое.

Слово *летун* в словаре Ушакова имеет следующее толкование: «Рабочий или служащий, часто меняющий места работы, переходящий с одного производства на другое в погоне за большим заработком (нов. неодобрит.)» [Ушаков, 2007]. В сербском переводе романа употреблено устойчивое сочетание *тица селица* («перелетная птица»), создающее образ перелетной птицы, которая часто меняет место обитания, что может считаться удачным переводом, в котором сохранено как основное («имеющий способность, привычку или возможность летать» [Ушаков, 2007]), так и новое, вторичное значения слова *летун*.

Потеряли часть своего семантического наполнения слова *кавалергардство* и *гусарство*, переведенные на сербский язык лексемами *разметање* (от гл. «разметати», что значит «разбрасывать», «раскидывать» [МС-МХ]) и *банчење* (от гл. «банчити», что означает «пьянствовать» [МС-МХ]), которые не отсылают к гусарам — военным служащим, славившимся своим разгульным образом жизни в Российской Империи. Ранее эти слова отсылали к определенным военным чинам; в советское время они приобрели негативную окраску: «Что ж это было? — пробормотал он, grimасничая. — *Гусарство* в ресторанном зале! И даже, кажется, какое-то *кавалергардство!*» [Ильф, Петров, 2015: 376]. На сербский язык этот отрывок переведен следующим образом: «Шта се то десило? — промрмља он, искрививши лице. — *Банчење* у ресторанској сали! Чак и некакво *разметање!*» [Ильф, Петров, 2015: 308].

Методом калькирования морфем Н. Николич воспользовался при переводе лексемы *переверзевщина*, употребив слово *переверзевштина*. Переводчик также добавил сноску, объясняющую, кто такой Переверзев: «Переверзев: университетски професор књижевности, присталица мењшевика» [Ильф, Петров, 2015: 192], (университетский профессор

филологии, а также сторонник меньшевиков). Суффикс русского языка «*щин*» имеет следующее значение: «...политическое течение, характеризующиеся признаком, названным... именами или фамилиями исторических деятелей и литературных персонажей, названных словами, от которых соответствующие имена существительные образованы» [Ефремова, 2005: 515]. Данный суффикс часто имеет оттенок неодобрения, как, например, в словах *обломовщина*, *банальщина*, *деревенщина*, хотя пейоративное значение суффикса «*щин*» в словаре Ефремовой не указано. Сербский суффикс «*штин*» также имеет пейоративное значение: напр., *американиштина* («американщина»), *баруштина* («болото, топь») [Стеванович, 1986: 538].

Слово *обезличка* не имеет в сербском языке прямого эквивалента. Сопоставление отрывков на русском и сербском языках позволяет сделать вывод, что Николич употребил две лексемы для передачи смысла слова *обезличка*: *неодговорност* и *непринципјелност*. «беспощадной борьбой с головоотяпством, хулиганством, пьянством, *обезличкой*, бесхребетностью и переверзевщиной» [Ильф, Петров, 2015: 234]; сербский перевод: «беспощедном борбом против тупоглавости, хулиганства, пијанства, *неодговорности*, бескичмењаштва, *непринципјелности* и сваке переверзевштине» [Ильф, Петров, 2015: 192]. В толковом словаре Ушакова дается следующее толкование слова *обезличка*: «Система работы, при которой отсутствует индивидуальная ответственность за порученную работу и за орудия производства, отсутствует распределение работы по индивидуальным способностям работников» [Ушаков, 2007]. Этому определению соответствуют сербские слова *неодговорност* («безответственность») и *непринципјелност* («непринципиальность»). Важно отметить, что в словаре Ушакова толкование лексемы *обезличка* сопровождается пометой «нов.», то есть данное понятие было новым для первой половины XX века, соответственно, маркировано тем временем.

4. Авторские неологизмы:

Художник-пушкарь (сликар-тобџија)

Милиция-троеручица (милиџија-тројеручица)

Табуретовка (табуретовка)

Кишмишовка (од сувог грожђа)

Неологизм *художник-пушкарь* — это, возможно, аллюзия на такое явление как «фотограф-пушкарь», «портретист». В Национальном корпусе русского языка найдено всего четыре примера употребления словосочетания «фотограф-пушкарь», и самый первый из них (1936 г.) зафиксирован в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Одноэтажная Америка». Из примеров употребления словосочетания можно сделать вывод, что *фотограф-пушкарь* — это описательное определение фотографа, который снимал на камеру-ящик, используя магниевую вспышку. Можно предположить, что по аналогии с этим словосочетанием появилось словосочетание *художник-пушкарь*: уличный художник, который пишет портреты. Эта лексема переведена на сербский язык методом калькирования (*сликар-тобџија*). За лексемой *тобџија* в сербском языке не закреплено никакого метафорического значения, следовательно, данная калька с авторского неологизма не имеет смысла.

Устойчивое сочетание *милиция-троеручица* («Матушка-заступница, *милиция-троеручица!*») [Ильф, Петров, 2015: 221]), выполняющее функцию иронии, переведено с помощью калькирования как *милиџија-тројеручица*, с сохранением иронии. В исходном языке прослеживается отсылка к слову *двурушничество*: «стремление одновременно действовать в пользу двух противоположных сторон путем обмана каждой из них» [Ушаков, 2007]. В сербском варианте перевода это значение утрачено. Стоит добавить, что икона Богородицы Троеручицы особо почитаема в Сербии, а, значит,

данный образ в сознании сербского читателя, вероятно, вызовет дополнительные ассоциации, отсутствующие в исходном языке.

Слово *табуретовка* переведено с помощью транслитерации с сохранением семантики слова, так как в сербском языке есть слово *табурет*, имеющее приблизительно то же значение, что и в русском языке («низкая скамейка или стул без спинки» [МС-МХ]). Лексема *кишмишовка* переведена с помощью описательного перевода *од сувог грожђа*, что можно считать адекватным переводом: в русско-хорватско-сербском словаре Полянца русскому *кишмиши* соответствует словосочетание *сухо грожђе* [Poljanec, 1962] («изюм»).

ВЫВОДЫ

Анализ перевода романа И. Ильфа и Е. Петрова на сербский язык, позволяет отметить, что в целом перевод является адекватным, с потерями, неизбежными при переводе безэквивалентной лексики на другой язык.

Значительно облегчает труд переводчика тот факт, что русский и сербский языки относятся к славянской группе. Так, при переводе говорящих фамилий, значимых для характеристики персонажей, некоторые корни остаются понятными (*Небаба*) или частично понятными (*Старохамски*) носителям сербского языка. Следует упомянуть об интернациональных корнях, которые позволяют установить значение корня после транскрипции или транслитерации (*Талмудовски*, *Гигијенишвили*). Не совсем адекватным является перевод имени *Зосенька* с сохранением русского суффикса, отсутствующего в сербском языке, что может привести сербского читателя к мысли о том, что *Зосја* и *Зосенька* — это два разных персонажа.

Важную роль при переводе играет и эксталингвистический фактор: социалистический режим в Югославии, благодаря которому многие

советские реалии были известны и там (*комсомолка, колхоз*). Это позволяет переводить сложносокращенные слова с помощью транскрипции или транслитерации, что не ведет к потере семантики, однако новому поколению носителей сербского языка данные слова могут быть незнакомы. Остальные социальные и политические реалии в основном переведены калькированием или приближенно (*историја партије, петолетка*). Некоторые лексемы, например, *нџман*, переведены по-разному в разных местах романа (*непман / послован човек / присталица нове економске политике*).

Многие предметы материальной культуры Николич перевел приближенно (*качица, јогурт, купатило*), что, с одной стороны, приводит к потере национально-культурного колорита, но с другой — не затрудняет чтение.

Некоторые реалии переведены методом транскрипции. В основном это предметы и явления национального быта, которые чаще всего известны иностранцам (*самовар, самогон, балалајка*). Экспрессивно окрашенная лексика в основном переведена приближенно (*грамзивост, банчење, разметање*), что приводит к изменению оттенков значения.

Можно отметить удачные переводческие находки, такие как лозунг «Аутотрком по бескрају и нехају», экспрессивное ироническое восклицание «Мајко-заштитнице, милицијо-тројеручице!», аллюзия на фольклор «птићи моји, соколићи» (ср. *гуси-лебеди*).

ГЛАВА 4. АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В данной главе представлен анализ перевода безэквивалентной лексики в романе Ильфа и Петрова «Золотой теленок» на английский язык. Для анализа и сравнения его результатов выбраны те же лексические единицы, что и в предыдущей главе. Однако, поскольку для каждой пары языков безэквивалентная лексика будет отличаться, некоторые тематические группы слов будут дополнены или изменены.

1. Имена собственные (здесь и в следующих тематических группах в скобках дан перевод на английский язык, предложенный К. Гуревичем и Х. Андерсон):

Шура Балаганов (Shura Balaganov)

Талмудовский (Talmudovsky)

Пятница (Friday)

Федор Никитич Хворобьев (Fyodor Nikitich Khvorobyov)

Плотский-Поцелуев (Platonikov-Pervertov)

Зося (Zosya)

Зосенька (Zosya dear/sweetheart)

Семен Васильевич Небаба (Semen Vasilyevich Nebaba)

Васисуалий Андреевич Лоханкин (Basilius Andreevich Lokhankin)

Гигиенишвили (Hygienishvili)

Старохамский (Starokhamsky)

Ухудшанский (Ukhudshansky)

Святотацкий (Indignatyev)

Самообложенский (Overarchangelsky)

Серна Михайловна (Impala Michailovna)

Индокитайский (Indochinov)

Лапшин (Lapshin)

Справченко (Spravchenko)

По мнению С. И. Влахова и С. П. Флорина, имена собственные переводятся двумя способами: транскрипцией и калькированием. Отдельно рассматривается вопрос перевода говорящих фамилий, которые обладают внутренней формой. Такие имена собственные выполняют определенную функцию в художественном тексте: они вводятся писателями для характеристики героев. Однако наряду с говорящими фамилиями, существуют фамилии, которые никак не связаны с характеристикой или внешностью героя [Влахов, Флорин, 1980: 253].

При переводе говорящих фамилий следует учитывать не только их семантику, но и словообразовательные особенности, характерные для образования фамилий той или иной нации [Алексеева, 2006: 189].

Перевод К. Гуревича и Х. Андерсон интересен тем, что многие говорящие фамилии в нем именно переведены (а не транскрибированы) на английский язык — тем самым переводчики передали семантику имени собственного. Кроме того, сохранены словообразовательные форманты, что позволило переводчикам передать национальный колорит. Это тем более важно, что в романе представлены фамилии представителей разных национальностей, например *Гигиенишвили*.

В проанализированном списке имен собственных есть слова с интернациональными корнями, такие как *гигиена*, *талмуд*. В английском тексте романа, с одной стороны, произведен перевод понятий, заложенных в корне, а с другой стороны, на слух эти переведенные фамилии воспринимаются почти так же, как фамилии в исходном языке (*Talmudovsky*, *Hygienishvili*). Здесь употреблен прием калькирования на уровне морфем.

Присутствует также пример перевода говорящей фамилии с изменением словообразовательного суффикса «ский» на «ов»

(рус. *Индокитайский*, англ. *Indochinov*). Возможно, в данном случае можно было не прибегать к калькированию, так как герой романа упоминается только в одном месте, наряду с Лапшиным и Справченко, фамилии которых переведены транскрипцией (*Lapshin, Spravchenko*).

Фамилии *Плотский-Поцелуев, Святоцацкий, Самообложенский* переведены методом трансформации: переводчик стремится дать характеристику персонажа с помощью фамилии, однако значение полученной лексемы на английском языке отличается от исходного значения говорящей фамилии в оригинале романа (*Platonikov-Pervertov, Indignatyev, Overarchangelsky*). В фамилии *Platonikov-Pervertov* использованы английские лексемы *platoniac* («платонический») и *pervert* («извращать, искажать»). В онлайн-версии Оксфордского толкового словаря дано следующее определение слову *platoniac*: «близкий и любящий, но не сексуального характера» и следующее определение слову *pervert*: «человек, чье сексуальное поведение считается неприемлемым отклонением от нормы». Несмотря на то, что перевод первой составляющей этой двойной фамилии не совпадает с исходной лексемой, данная версия перевода позволила сохранить эффект комического; более того, в английской версии фамилии усматривается комическое противопоставление платонического и плотского.

В переводе фамилии *Святоцацкий* использована английская лексема *indignation* («возмущение, негодование»), причем словообразовательные морфемы «*цкий*» заменены на суффикс «*ев*». Лексема *indignation* в Оксфордском словаре имеет следующее толкование: «злость или раздражение, вызванные несправедливым обхождением» [Oxford Dictionaries], в то время как фамилия *Святоцацкий* произошла от слова *святотатство*, которое в словаре Ушакова имеет следующее толкование: «1. Кощунство, богохульство, поругание церковной святыни (первонач. кража церковных вещей; церк.). 2. перен. Оскорбление чего-н. заветного,

особенно дорогого, святого» [Ушаков, 2007]. Можно сказать, что слово святотатство обладает более широкой семантикой, вмещая в себя понятие того ««несправедливого обхождения», от которого страдает возмущенный, негодующий человек. Эквивалентом русскому слову *святотатство* является английское слово *sacrilege*: «1. осквернение или поругание чего-то святого; 2. кража чего-то священного, что используется в служении Богу» [Oxford Dictionaries]. Таким образом, при переводе данной лексемы переводчик прибегнул к трансформационному методу.

Тем же способом переведена фамилия *Самообложенский* (*Overarchangelsky*); переводчики посчитали нужным использовать английский корень, однако за основу взята не фамилия Самообложенский, а, скорее, характеристика персонажа, данная в следующем отрывке: «...был приобретен у бывшего иподиакона кафедрального собора гражданина Самообложенского» [Ильф, Петров, 2015: 408]. Совмещение приставки *over-* и лексемы *archangel* служит для создания каламбура: приставка *over-* имеет значение «чрезмерно», «дополнительно», как, например, в словах *overambitious*, *overcareful*, *overtime*.

Многие фамилии в романе переведены с помощью транскрипции, например, *Старохамский* (*Starokhamsky*), *Ухудшанский* (*Ukhudshansky*), *Федор Никитич Хворобьев* (*Fyodor Nikitich Khvorobyov*), *Семен Васильевич Небаба* (*Semen Vasilyevich Nebaba*), *Лоханкин* (*Lokhankin*), а также фамилии главных персонажей, например, *Балаганов* (*Balaganov*). В отличие от проанализированных выше фамилий, эти фамилии упоминаются в романе большое количество раз и часто действительно характеризуют персонажей. Например, как уже было упомянуто в анализе перевода романа на сербский язык, герой романа Хворобьев болезненно и робко реагировал на все изменения и, не в силах принять советскую действительность, вышел на пенсию, переселившись далеко за город.

Возможно, значение как раз этих фамилий стоило перевести, чтобы с их помощью охарактеризовать героев.

Примечательно, что имя *Vasicyalii* переведено на английский как *Basilius*, в то время как некоторые авторы считают ошибочным прием переводчиков, которые при переводе имен собственных заменяют национальный колорит языка-источника национальным колоритом переводящего языка [Влахов, Флорин, 1980: 239]. В данном случае перевод кажется уместным, так как в русском языке это имя звучит патетично, что в сочетании с характером героя создает комический эффект.

Имя *Серна Михайловна* переведено как *Impala Michailovna*. Лексема *серна* в русском языке может иметь два значения: название парнокопытного млекопитающего и женское имя собственное. Переводчики посчитали нужным перевести ее первое значение, однако использовали не эквивалент названию животного серна — *chamois*, а название другого животного — импалы, или черной антилопы: *impala*. Это могло бы быть связано с имеющимся метафорическим значением слова *impala*, однако в ходе семантического анализа данной лексики английского языка метафорического значения не обнаружено.

Разные вариации имени *Зося (Зосенька)* переведены одним вариантом *Zosya*, с добавлением определений и эпитетов *dear* и *sweetheart* там, где необходимо было передать русский уменьшительно-ласкательный суффикс «еньк». Исследователи считают такой способ перевода адекватным [Влахов, Флорин, 1980: 244, Федоров, 2002: 299].

Имя *Пьятница* переведено как *Friday*, что совершенно естественно, так как героя романа Даниэля Дефо, к которому нас отсылают Ильф и Петров, звали *Friday*. Однако в данном случае потерян каламбур, игра слов *пятница* и *пьяница*.

2. Так называемые реалии, то есть слова, обозначающие предметы, понятия и явления, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке.

а) предметы материальной культуры:

Братина (*bowl*)

Балалайка (*balalaika*)

Самовар, самоварный (*samovar, samovarian fate, teapot face*)

Баня (*bathhouse*)

Лексема *братина* (*bowl*), переведена приближенным способом, что может считаться адекватным переводом, так как из контекста читателю понятно, что герой говорит о сувенирах, которые обычно передают национальный колорит: «Все туристы как туристы. Носятся по Москве, покупают в кустарных магазинах деревянные *братины*...» [Ильф, Петров, 2015: 82] («Normal tourists run around Moscow, buying handmade wooden *bowls* in gift shops» [Ilf, Petrov, 2009: 65]).

Лексемы *балалайка* и *самовар* переведены транскрипцией: *balalaika, samovar*. Данные реалии зафиксированы в Оксфордском толковом словаре английского языка: «русский музыкальный инструмент наподобие гитары с треугольным корпусом и обычно с тремя струнами» и «декорированный чайник, используемый в России», соответственно. Эпитет «самоварная судьба» переведен прилагательным, образованным от существительного *samovar* с помощью словообразовательного суффикса «*ian*» (*samovarian fate*), а эпитет «самоварная морда» переведен с помощью приближенного перевода — *teapot face*. Перевод словосочетания *самоварная морда* можно считать адекватным, так как данный эпитет имеет описательную функцию и не служит для передачи национально-культурного колорита.

Лексема *баня* переведена приближенно: слово *bathhouse* имеет в Оксфордском словаре следующее толкование: «здание с душевыми для

общего пользования» [Oxford Dictionaries]. В определение слова *bathhouse* входит понятие общественного места, в то время как в русском языке это понятие содержит только форма множественного числа данного слова — *бани* [Ушаков, 2007].

б) предметы и явления духовной культуры — фольклор, обычаи:

Гуси-лебеди (boys and girls)

Жар-птица (firebird)

Богатыри (knights)

Кащей (Kashchey)

Соловей-разбойник (Nightingale the robber)

Добрыня Никитич (Dobrynya Nikitich)

Илья Муромец (Ilya Muromets)

Алеша Попович (Alyosha Popovich)

Масленичное гулянье (carnival)

Имена героев русских народных сказок переведены транскрипцией, что вполне уместно; более того, задача переводчика упрощает наличие большого числа переводов русских сказок на английский язык. Поэтому, когда переводчик сталкивается в художественной литературе с реалией, которая уже была переведена, он может выбрать один из имеющихся вариантов. Так, в англоязычной литературе существует несколько вариантов перевода имени *Соловей-разбойник*: *the Nightingale Robber*, *Nightingale the Robber*, *Solovei the Brigand*. Имена *Кащей*, *Добрыня Никитич*, *Илья Муромец*, *Алеша Попович* в большинстве случаев переведены транскрипцией.

Предложение «Здесь сидит еще на своих сундуках *Кащей*, считавший себя бессмертным и теперь с ужасом убедившийся, что ему приходит конец» [Ильф, Петров, 2015: 295] переведено следующим образом: «*Kashchey the wealthy farmer still sits on his treasure chests. He*

thought he was immortal, but now he realizes, to his horror, that the end is near» [Ильф, Петров, 2009: 229]. Определение «the wealthy farmer» может быть обусловлено окружением, так как в данном контексте фольклорный герой упоминается в связи с советской действительностью.

Лексемы *Firebird* и *Nightingale the Robber* сохранены в соответствии с вариантом, распространенным в переводе русских народных сказок на английский язык. При переводе этих лексических единиц использовано калькирование. Наименование сказочных героев *гуси-лебеди* переводится на английский язык по-разному (*swans and geese, geese and swans*), однако авторы не посчитали нужным воспользоваться этим вариантом, а перевели данную лексему как *boys and girls*. Данная трансформация обусловлена контекстом, в котором отражается ироничное отношение главного героя к своим товарищам: «Ну, гуси-лебеди, где были, что подделывали?» [Ильф, Петров, 2015: 270].

Лексема *богатыри* передана приближенным переводом, с помощью близкого по значению слова — *knights* («рыцари»). При таком переводе теряется национальное своеобразие; более того, в английском языке традиционно существует транскрибированный перевод лексемы *богатырь: bogatyr*. Однако контекст позволяет использовать более понятное читателям слово *knight*, так как при первом упоминании данной лексемы в романе использовано определение «русские» («Объявляю конференцию русских богатырей открытой!» [Ильф, Петров, 2015: 294]). Несмотря на то, что переводчик не использовал транслитерированное слово *богатырь*, эпитетом *Russian* он все равно показывает, что речь идет именно о русских героях.

Словосочетание *масленичное гуляние* приближенно переведено лексемой *carnival*, что не искажает смысла лексемы. Слово *carnival* многозначное; в качестве его основного значения в словаре American Heritage приводится следующее: «ежегодный фестиваль, который, как

правило, проходит в течение недели перед началом Великого Поста в католических странах и включает в себя шествия, музыку, танцы и маскарад», что в целом является эквивалентом русской масленице. Однако нельзя назвать слово полным эквивалентом, так как во многих других толковых словарях английского языка [Macmillan Dictionary, Dictionary.com] подобное толкование не стоит в числе первых или же вообще отсутствует.

- б) названия блюд национальной кухни и деталей народного костюма:
 - Самогон (moonshine)
 - Кефир (kefir)
 - Косоворотка (tunic / cross-stitched Russian-style shirt)

В данной тематической группе наиболее часто используется прием приближенного перевода. Так, в толковании слова *самогон* — «спиртной напиток, изготавливаемый кустарным способом из крахмалистых веществ (картофеля, злаков)» [Ушаков, 2007] — можно выделить семы *спиртной* и *кустарный*, в то время как в толковании слова *moonshine* — «незаконно дистиллированный или контрабандный напиток» [Oxford Dictionaries] — выделяется сема незаконности (*незаконный, контрабандный*).

Слово *кефир* переведено транслитерацией. Английское слово *kefir* зарегистрировано в Оксфордском толковом словаре, где также дается информация о происхождении слова («из русского языка»). В другом источнике [Dictionary.com] указано, что достаточно мало англоговорящих людей знает это слово. Таким образом, данная лексема позволяет сохранить национальное своеобразие романа.

Лексема *косоворотка* переведена в двух местах по-разному. В одном случае употреблен описательный перевод: «He wore thick yellow shoes, knee-length socks with golf breeches, horn-rimmed glasses, and a cross-stitched *Russian-style shirt* — the kind a state-farm official would wear» [Ilf, Petrov,

2009: 266] — «На нем были желтые толстые башмаки, чулки и брюки-гольф, роговые очки и русская *косоворотка* хлебозаготовительного образца, вышитая крестиками» [Ильф, Петров, 2015: 337]. В данном контексте описательный перевод кажется уместным, так как данный элемент русского народного костюма используется при описании персонажа для характеристики его личности. Словосочетание *Russian-style shirt* употребляется и в другом описании внешности персонажа [Ильф, Петров, 2009: 268]. Однако во втором случае употреблен приближенный перевод: «Mr. Heinrich was saying, grabbing Suvorov, a worker from the Putilov Plant, by his *tunic*» [Ильф, Петров, 2009: 243] — «Говорил господин Гейнрих, хватая путиловца Суворова за *косоворотку*» [Ильф, Петров, 2015: 310]. Данный вариант не искажает смысл повествования, однако в оригинале романа прослеживается противопоставление двух разных культур в лице господина Гейнриха и путиловца Суворова (чего нет в анализируемом переводе на английский), поэтому и здесь было бы уместно использовать словосочетание *Russian-style shirt*.

в) слова и устойчивые словосочетания, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления и обычаи:

Тайный советник (his excellency)

Ударник (worker / shockworker)

Большевик (bolshevik)

Толстовец (tolstoyan)

Пятилетка (Five-Year Plan)

Wolokita (obstrukzionizm)

Купец второй гильдии (barroom brawler)

Низовка (to be demoted)

Некоторые слова из этой группы переведены методом приближенного перевода. Так, название чина Российской империи *тайный советник* утратило при переводе свое значение, отсылающее читателя к реалии дореволюционной России, сохранив лишь значение высокого чина: *his excellency* («Его превосходительство»). В Англии существует эквивалент русскому тайному советнику — *privy councillor*, однако данное наименование может отсылать читателя к чину в Англии, поэтому словосочетание *his excellency* может считаться более нейтральным и подходящим.

Приближенным переводом воспользовались переводчики для передачи русской дореволюционной реалии *купец второй гильдии*. Употребив словосочетание *barroom brawler* («кабацкий драчун, буян»), переводчики попытались передать скорее отношение к купеческому сословию, нежели род их деятельности. В русской литературе отношение к купечеству было негативным. Об этом пишут Н. А. Душкова и Н. Н. Григорьева: «В целом о русском купце давно сложился весьма негативный стереотип: купец — обязательно обманщик, эксплуататор, невежа, он вне конкуренции по потреблению спиртного, «обжора», деспот в семье и т. д.» [Душкова, Григорьева, 2008: 102].

Слово *wolokita*, представленное в оригинале романа в немецкой транскрипции (поскольку это слово произносит немец), передано транскрибированным русским словом *обструкционизм (obstrukzionizm)*, означающим «систему политической борьбы путем обструкций» [Ушаков, 2007]. В английском языке также присутствует это интернациональное слово — *obstructionism*, однако переводчики посчитали нужным использовать его русифицированную форму. В английском языке существует эквивалент слову *волоки́та* — устойчивое сочетание *red tape*, однако при использовании данного словосочетания был бы утрачен национальный колорит, а транскрибированное слово *волоки́та* не

вызывает у англоязычного читателя ассоциаций. Таким образом, слово *obstrukzionizm* может считаться удачной переводческой находкой, так как в сознании англоязычного читателя эта лексема соотносится с английским *obstructionism*, а его транскрибированная форма отсылает к русскому языку. В данном случае переводчики употребили прием трансформации.

Калькированием переведены слова *пятилетка*, *толстовец*. Калька *tolstoyan* переведена на уровне морфем. Влахов и Флорин считают, что слово *shockworker* («ударник») также является калькой с русского языка [Влахов, Флорин, 1980: 145]. Отметим, что словосочетание *Five-Year Plan* и слово *Tolstoyanism* зафиксированы в Оксфордском словаре. Первое — с отсылкой к советской действительности, второе — к философским взглядам Льва Николаевича Толстого.

Слово *большевик* переведено, как во многих других языках, транскрипцией и также зафиксировано в Оксфордском словаре. Данная советская реалия широко известна, и калькированный перевод давно принят во многих языках мира.

При переводе слова *низовка* использована трансформация на грамматическом уровне. «Глава издательства был снят с должности и брошен на *низовку*» [Ильф, Петров, 2015: 194] — «The director was *demoted*» [Ilf, Petrov, 2009: 153]. В целом, переводчикам удалось сохранить смысл, так как слово *demote* означает «смещать на более низкую должность» [Oxford Dictionaries], однако в толковом словаре Ушакова к слову *низовка* есть примечание о том, что это слово новое и разговорное, поэтому отсылка к советской эпохе при переводе утеряна.

Сокращенные слова, обозначающие явления советской действительности, обычаи:

Истпарт (official Soviet historians)

Пролеткульт (proletkult)

Местком (local union committee)

Примкамера (the arbitration chamber)
Наркомфин (the Commissariat of Finance)
Нэп (The New Economic Policy / NEP)
Нэпман (businessman/entrepreneur)
Политфанты (political board games)
Колхоз, колхозный (collective farm)
Совхоз (state farm)
Комсомолка (young communist league girl)
Жилтоварищество (high society)
Промфинплан (quotas)
Коммуноотдел (Municipal Affairs Department)
Осоавиахимовцы (volunteers from the society for defense and aviation)
Нарпитовская столовая (city diner)
Чека (cheka)

Некоторые приведенные советизмы, такие как *колхоз*, *большевик*, Влахов и Флорин относят к интернациональным реалиям, обосновывая это тем, что данные калькированные или транскрибированные реалии вошли в словари иностранных языков. Для некоторых социалистических стран эти слова являются реалиями, сохраняя референт значения, тогда как в несоциалистических странах заимствованные советизмы передают советский колорит [Влахов, Флорин, 1980: 61]. Так, Влахов и Флорин приводят в пример слово *колхоз*, транскрибированное на английский язык как *kolhoz*, однако в современных онлайн-словарях английского языка данное слово отсутствует, а переводчики романа «Золотой теленок» на английский язык использовали словосочетание *collective farm*, что является калькированием исходного словосочетания на русском — *коллективное хозяйство*. Более того, данное словосочетание зафиксировано в Оксфордском словаре, где его определение не имеет коннотации, которая

бы отсылала к советской действительности: «совместное управление несколькими подсобными хозяйствами, особенно принадлежащими государству». Однако большинство примеров использования данного словосочетания, приведенных в Оксфордском словаре, взяты либо из переводов русской литературы на английский язык, либо из текстов, описывающих социалистическую реальность.

Аналогичным способом (калькирование полного словосочетания) переведены и некоторые другие советские реалии: *совхоз (state farm)*, *наркомфин (the Commissariat of Finance)*.

Слово *комсомолка* переведено описательно: *young communist league girl*, («девушка, член союза коммунистов») хотя в английских словарях существует транскрибированное слово *komsomol*, или *comsomol*, обозначающее как организацию, так и члена этой организации.

Аббревиатура *нэп* переведена калькированием словосочетания *новая экономическая политика*. Данное понятие встречается в романе несколько раз, причем в тексте перевода в одном случае используется словосочетание *The New Economic Policy*, а в другом — аббревиатура на латинице — *NEP*, что соответствует русской аббревиатуре НЭП. Следует отметить, что в конце романа переводчики дают пояснение некоторых реалий советской действительности, в частности, термина НЭП:

The New Economic Policy (NEP) — The policy of the Soviet government in the early 1920s that promoted cooperative and private enterprise, which explains the abundance of small businesses in the novel. The NEP was followed by forced industrialization (the first Five-Year Plan) and the replacement of private establishments with state-owned ones, as depicted later in the novel (Новая Экономическая Политика (НЭП) — Политика советского государства в начале 1920-х гг., поддерживающая кооперативное и индивидуальное предпринимательство, которая объясняет обилие предприятий малого бизнеса в романе. За НЭП-ом последовала

принудительная индустриализация (первая пятилетка) и замещение частных предприятий государственными, что представлено далее в романе).

Сноска дается также к слову *proletkult*, транскрибированному с исходного языка. Это слово также можно отнести к интернациональным реалиям, так как оно зарегистрировано в иностранных словарях. Транскрипцией переведена лексема *чека*, образованная от аббревиатуры ЧК (Чрезвычайная комиссия). Данное слово, зафиксированное в Оксфордском словаре, также является интернациональной реалией.

Слово *жилтоварищество* при переводе на английский язык трансформировано в соответствии с контекстом: «Еще сегодня утром я мог прорваться с такой девушкой куда-нибудь в Океанию, на Фиджи или острова *Жилтоварищества*, или в Рио-де-Жанейро». В данном отрывке прослеживается ирония, жилтоварищество представляется венцом социального благополучия и воплощением идеалов социализма, поэтому вымышленные *острова Жилтоварищества* переведены на английский язык как *High Society Island*. При таком переводе полностью утрачивается отсылка к советской действительности. Русской лексеме *жилтоварищество* частично соответствует английское словосочетание *housing association*: «некоммерческая организация, предоставляющая дома и квартиры в аренду людям с низкими доходами или с особыми потребностями» [Oxford Dictionaries]. Однако стремление советских граждан в жилтоварищество можно соотнести со стремлением американцев попасть в высшее общество, поэтому данный перевод может считаться удачным.

Для слов *нэпман*, *политфанты* и *промфинплан* подобраны ближайšie эквиваленты в английском языке. Так, слово *нэпман* переведено в двух местах разными словами, которые являются синонимами: *businessman* и *entrepreneur*. Однако, отрицательная

коннотация, присущая слову *нэпман*, теряется при переводе, в то время как в толковом словаре Ушакова в толковании слова *нэпман* присутствует такая характеристика как «спекулянт», а также стилистическая помета «пренебр.». Сложносокращенная лексема *политфанты* переведена как *political board games*, что может считаться адекватным переводом, а лексема *профинплан* переведена словом *quotas*, обозначающим «ограниченное количество конкретного продукта, который официально может быть произведен, экспортирован или импортирован» [Oxford Dictionaries], что также является адекватным переводом. Утрачивается лишь грамматическая особенность сложносокращенных слов, которые были крайне популярны в Советской России в соответствующий исторический период и к тому же являются характерной приметой стиля писателей.

Словосочетание *нарпитовская столовая* переведено как *City Diner*. Паевое товарищество «Нарпит» было организовано в целях устранения последствий голода в начале 20-х гг. XX в. Это наименование является исторической реалией. Слово *diner* в американском варианте английского языка означает дешевую закусочную («a small restaurant that sells simple cheap food» [Macmillan Dictionary]). В данном случае можно говорить о приближенном переводе.

Приближенно переведена сложносокращенная лексема *местком* (*local union committee*), которая, характеризуя эпоху повествования, при переводе утратила эту функцию, сохранив лишь общее, основное значение рабочей группы, профсоюза. *Коммуноотдел* — еще одна советская реалия, относящаяся к социальным институтам, — переведена приближенно: *Municipal Affairs Department* имеет то же значение и выполняет те же функции, однако утрачен колорит, передающий советскую действительность.

Лексема *истнарт* переведена описательно: *official Soviet historians*. Слово *official* указывает на то, что в то время было особое «учреждение, занимающееся разработкой истории коммунистической партии» [Ушаков, 2007]. Лексема *осоавиахимовцы* также переведена описательно: *volunteers from the society for defense and aviation*. Возможно, здесь имеет место калькированный перевод полного названия — «Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству», — однако, в таком случае, калька представляется неполной. В другом контексте использовано только слово *volunteers*, которое передает одно из значений лексемы *осоавиахимовцы*, но не имеет связи с советской эпохой. Возможно, попытка передачи данной реалии привела бы к избыточной новой информации, чего следует остерегаться при переводе.

Лексема *примкамера* переведена приближенно — *the arbitration chamber* («арбитражная палата»). Данный перевод передает значение русского слова *примкамера*, однако в контексте «на ваше РКК примкамера есть, примкамера...» [Ильф, Петров, 2015: 95] передается ироничное отношение авторов романа к чрезмерному использованию разного рода сокращений в речи современных советских граждан, от чего страдает герой Хворобьев. В английском варианте перевода этот стилистический прием передать не удалось.

3. Экспрессивная лексика с негативно-оценочным значением (лексика, появившаяся в разговорном русском языке в первой трети XX в. или приобретающая в это время негативную коннотацию):

Рвачество (*excessive greed*)

Халтурщик (*charlatan*)

Лабазник (*hack*)

Разгильдяйство (*irresponsibility*)

Обезличка (*avoidance of responsibility*)

Переверзевщина (*anti-marxist distortions*)

Гусарство (drunken sailor)

Кавалергардство — перевод отсутствует

Летун (job-hopper)

В данной группе большинство лексем переведены приближенными по значению лексемами английского языка. Так, лексема *рвачество* переведена как *excessive greed*. При сопоставлении определений разница выявляется незначительная: *рвачество* — «стремление извлечь всякими недобросовестными способами как можно больше личных выгод из своей работы» [Ушаков, 2007], *greed* — «сильное и эгоистичное желание чего-то, особенно богатства, силы или пищи» [Oxford Dictionaries]. Однако слово *рвачество* характеризуется нагруженностью «лексического значения, включением в его состав концептуальных и экзистенциальных признаков советской картины мира» [Червинский, 2011: 39]. Переводчики же для увеличения экспрессии использовали гиперболу, усилив *greed* словом *excessive* («чрезмерный»).

Приближенно переведена лексема *халтурищик*: *charlatan* — «человек, ложно утверждающий, что обладает особыми знаниями или навыками» [Oxford Dictionaries]. Лексема *разгильдяйство*, которой в толковом словаре Ушакова сопутствуют стилистические пометы («разг.», «пренебр.»), переведена приближенно словом *irresponsibility* («безответственность» [Oxford Dictionaries]), которое не имеет экспрессивной окраски.

Оценочное слово *лабазник* переведено довольно удачно словом *hack*, означающим человека (художника или писателя), который использует свои творческие способности ради денег или занимается выполнением глупой, монотонной и банальной работы в надежде достичь благосостояния [Dictionary.com]). В толковом словаре английского языка указано, что данная лексема относится к неформальной (разговорной) лексике.

Некоторые слова в данной группе переведены описательно. Например, слово *гусарство*, воспринимаемое носителями русского языка как реалия Российской Империи, которая приобрела в советское время негативно-оценочную коннотацию, переведена как *drunken sailor*: «Acting like a *drunken sailor* in the restaurant!» [Ilf, Petrov, 2009: 297] — «*Гусарство* в ресторанном зале!» [Ильф, Петров, 2015: 376]. Словосочетание *drunken sailor* является культурологически маркированным: ср., английскую народную песню XIX в. с одноименным названием (другой вариант названия — «What Shall We Do with the Drunken Sailor»). В других местах романа для перевода данной лексики использовано прилагательное *ostentatious* («показной, хвастливый, нарочитый»). «But, of course, nothing flashy, nothing *ostentatious*» [Ilf, Petrov, 2009: 280] — «Но, конечно, без шика, без этого *гусарства*» [Ильф, Петров, 2015: 355], «That's *ostentatious*» [Ilf, Petrov, 2009: 283] — «Это *гусарство*» [Ильф, Петров, 2015: 359]. Такой перевод можно расценивать как попытку описать поведение, присущее гусарам. В 33 главе романа предложение со словом *гусарство* трансформировано: «That must have been the reason for the *outrageous scene* the night before» [Ilf, Petrov, 2009: 298] — «По всей видимости, это и было причиной *безобразного* ночного *гусарства*» [Ильф, Петров, 2015: 377]. Слово *гусарство* венгерского происхождения; слова с этим корнем есть во многих европейских языках, в частности, в английском — *hussar*: «солдат в легком кавалерийском полку, который носит одежду образца венгерских гусаров» [Oxford Dictionaries]. Однако, если посмотреть на примеры использования слова *гусарство* в национальном корпусе русского языка, можно заметить, что с начала XX в. данное слово означает разгульное поведение, бесшабашный, беспечный образ жизни. И этот оттенок значения закрепился в русском языке за словом *гусар*. Например, в толково-словообразовательном словаре Ефремовой приведены слова *гусарство* («бесшабашное, безрассудное поведение»), *гусарить* («вести

себя, как гусар, проявляя молодечество, удаль, безудержную смелость») [Ефремова, 2000]. Слово *hussar* похожим значением не обладает, поэтому переводчики не стали использовать этот корень при переводе лексемы *гусарство*.

Лексему *кавалергардство*, возможно, стоит отнести к авторским неологизмам, так как данное существительное встречается в национальном корпусе русского языка всего лишь дважды, и впервые — в романе «Золотой теленок». Употребление слова *кавалергардство* можно расценить как прием градации («*Гусарство* в ресторанном зале! И даже, кажется, какое-то *кавалергардство*! Фу! Держал себя как купец второй гильдии!» [Ильф, Петров, 2015: 376]). В переводе романа на английский язык лексема *кавалергардство* опущена, а градация передана сравнительной степенью: «*Or worse!*». В данном случае переводчики использовали прием трансформации: «*Acting like a drunken sailor in the restaurant! Or worse! Ugh! I behaved like a barroom brawler!*» [Ilf, Petrov, 2009: 297].

Описательно переведена лексема *обезличка* (толкование см. на с. 31). Словосочетание *avoidance of responsibility* передает часть значения лексемы — «отсутствие индивидуальной ответственности за порученную работу». Однако приметы советской действительности при таком переводе передать не удалось. Лексема *переверзевица* также переведена описательно: *anti-marxist distortions* («антимарксистские искажения»). Данный перевод можно назвать удачным, так как он позволяет передать негативное отношение советской власти к антимарксистским идеям через лексему *distortion* («искажение»): «беспощадной борьбой с головоуятиством, хулиганством, пьянством, обезличкой, бесхребетностью и *переверзевицей*» [Ильф, Петров, 2015: 234].

Слово *летун* (толкование см. на с. 29) имеет в толковом словаре Ушакова стилистические пометы («нов.», «неодобрит.»). Данному слову

соответствует английская лексема *job-hopper* («человек, который часто меняет место работы» [Oxford Dictionaries]), которая также является сравнительно новой (в Оксфордском словаре отмечается, что она появилось в английском языке в 1940–50-х гг.). Кроме того, в словаре американского английского языка данное слово помечено как разговорное.

4. Авторские неологизмы:

Художник-пушкарь (*con artist*)

Милиция-троеручица (*Holy Mother of Divine Interception*)

Табуретовка (*chair brew*)

Кишмишовка (*raisin brew*)

Для перевода неологизма *художник-пушкарь* использована лексема *con artist*, означающая «мошенника, который обманывает других, убеждая их верить в то, что не соответствует истине» [Oxford Dictionaries]. Однако данное значение не прослеживается в тексте романа: «Его уже ищет какой-то трудящийся, по виду *художник-пушкарь*» [Ильф, Петров, 2015: 100] (об этимологии лексемы *художник-пушкарь* см. в разделе, посвященном переводу безэквивалентной лексики на сербский язык, с. 31). Данный перевод не является адекватным, так как искажает смысл повествования.

Каламбур *Матушка-заступница, милиция-троеручица* переведен окказиональным *Holy Mother of Divine Interception*, в котором прослеживается игра слов, так как в английском языке существует устойчивое сочетание *Divine Intervention* («божественное вмешательство, необъяснимое чудо»). Лексема *interception* является многозначной, одно из значений относится к военной сфере и означает «привлечение сил противника в попытке воспрепятствовать или помешать ему выполнить свою миссию; перехват» [Dictionary.com]. В данном случае переводчики воспользовались приемом трансформационного перевода.

Неологизмы *табуретовка* и *кишмишовка* переведены калькированием (*chair brew* и *raisin brew*). В данных словосочетаниях *chair* и *raisin* являются определениями к главному слову — *brew*: «вид алкогольного напитка» [Dictionary.com]. Данный перевод кажется удачным, так как передает каламбур Остапа Бендера: «...даже из обыкновенной табуретки можно гнать самогон. Некоторые любят *табуретовку*. А то можно простую *кишмишовку*...» [Ильф, Петров, 2015: 83] — «One can even brew moonshine from an ordinary chair. Some people enjoy *chair brew*. Or you can have a simple *raisin brew*» [Ilf, Petrov, 2009: 66]. Кроме того, в английском языке существуют сочетания типа *home brew* («домашнее пиво; самогон»), *herbal brew* («травяной сбор»), *cold brew* («капельный кофе; кофе, приготовленный холодным способом»), что помогает выявить значение неологизмов *chair brew* и *raisin brew*.

ВЫВОДЫ

Перевод безэквивалентной лексики романа «Золотой теленок» на английский язык отличается многообразием способов и переводческих находок.

Что касается перевода имен собственных, важно отметить, что в паре русский язык/английский язык очень мало общих корней: это интернациональные корни, позволяющие сохранить характеристику героев через говорящие фамилии (*Talmudovsky*, *Hygienishvili*). Многие фамилии переведены методом трансформации — переводчики используют другой английский корень, но сохраняют русский словообразующий суффикс (*Platonikov-Pervertov*, *Indignatyev*, *Overarchangelsky*). Большинство имен собственных переведено транскрипцией или транслитерацией (*Shura Balaganov*, *Starokhamsky*, *Spravchenko*). Удачным кажется перевод имен *Зосенька* (*Zosya sweetheart*, *Zosya dear* — выбранные английскими

переводчиками эпитеты позволяют сохранить значение, содержащееся в уменьшительно-ласкательном суффиксе) и *Vacсууалуй* (*Basilius* — придает комичность).

Предметы материальной культуры в основном переведены приближенно (*братина* — *bowl*, *баня* — *bathhouse*) или с помощью транслитерации в тех случаях, когда русские реалии достаточно известны иностранцам (*balalaika*, *samovar*, *kefir*). Для перевода имен персонажей русских народных сказок используются традиционные, уже существующие в англоязычной литературе варианты. В основном использован метод калькирования (*Firebird*, *Nightingale the Robber*) или транскрипции (*Kashchey*, *Dobrynya Nikitich*). Удачной находкой является трансформационный перевод лексической единицы *гуси-лебеди* (*boys and girls*).

Поскольку англоязычные страны никогда не принадлежали к социалистическому лагерю, при переводе безэквивалентной лексики тематической группы «социальные и политические явления» (непонятной англоязычному читателю без пояснений) переводчикам пришлось проявить изобретательность. Методом транскрипции переведены интернациональные реалии (*bolshevik*, *Proletkult*, *cheka*). Многие советизмы переведены калькированием (*Local union committee*, *The Commissariat of Finance*, *State farm*) или приближенно (*The arbitration chamber*, *Political board games*, *quotas*). Удачно переведено словосочетание *острова Жилтоварищества* (*High society Islands*): это образцовый пример того, что ученые называют «адекватным переводом» (см. с. 10).

Экспрессивная лексика переведена в основном описательно (*avoidance of responsibility*, *anti-marxist distortions*) или приближенно с использованием разговорной лексики (*hack*, *job-hopper*). Использование неформальной (разговорной) лексики представляется удачным вариантом решения для перевода экспрессивной лексики.

Что касается перевода авторских неологизмов, то удачной переводческой находкой можно назвать перевод лексемы «*милиция-троеручица*» (*Divine Interception*). С другой стороны, в силу отсутствия смыслового соответствия между лексемой *художник-пушкарь* и *con artist* данный перевод нельзя назвать адекватным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная работа посвящена проблеме перевода безэквивалентной лексики. Материалом для исследования послужил роман И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». Для анализа использовались последние издания романа на сербском языке в переводе Николы Николича, издательство ЛОМ, Белград, 2015 г., и на английском языке в переводе Константина Гуревича и Хелен Андерсон, издательство Open Letter, Rochester, NY, 2009 г.

К проблеме перевода безэквивалентной лексики обращались многие ученые-лингвисты и переводчики. В качестве теоретической основы данного исследования использованы работы таких ученых, как Л. С. Бархударов, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, Л. К. Латышев, А. Б. Федоров, С. И. Влахов и С. П. Флорин.

В ходе исследования были выбраны репрезентативные примеры безэквивалентной лексики романа, анализ которых мог бы наиболее полно раскрыть проблему перевода и проиллюстрировать способы, примененные переводчиками для передачи значения лексических единиц. Данные примеры были объединены в следующие тематические группы:

- 1) имена собственные;
- 2) так называемые реалии — то есть слова, обозначающие предметы, понятия и явления, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. К этой группе относятся:
 - а) предметы материальной культуры;
 - б) предметы и явления духовной культуры — фольклор, обычаи;
 - в) названия блюд национальной кухни и деталей народного костюма;

г) слова и устойчивые выражения, обозначающие характерные только для данной страны политические учреждения и общественные явления;

* сложносокращенные слова, обозначающие явления советской действительности;

3) экспрессивная лексика с негативно-оценочным значением (лексика, появившаяся в русском разговорном языке в первой трети XX в. или приобретающая в это время негативную коннотацию);

4) авторские неологизмы.

Были рассмотрены следующие методы перевода безэквивалентной лексики:

1. Транслитерация (передача графической формы слова) и транскрипция (передача звуковой формы слова). Данные методы использованы при переводе слов *балалайка* (серб. балалајка, англ. balalaika), *самогон* (серб. самогон), *большевик* (серб. большевик, англ. bolshevik), *Кашей* (серб. Кашчеј, англ. Kashchey), *Илья Муромец* (серб. Иља Муромец, англ. Иуа Muromets).

2. Калькирование (безэквивалентная лексика передается на языке перевода с помощью замены составных частей (морфем или слов) их прямыми лексическими соответствиями в языке перевода). Данный прием был использован при переводе следующих лексем: *пятилетка* (серб. петолетка, англ. Five-Year Plan), *жар-птица* (англ. Firebird), *пролеткульт* (серб. пролеткулт), *толстовец* (серб. толстојевац, англ. Tolstoyan).

3. Описательный перевод (передача значения лексической единицы языка оригинала при помощи развернутых словосочетаний, которые раскрывают признаки обозначаемого данной лексической единицей предмета или явления). Данный метод был использован в основном для перевода специфических реалий, отсутствующих в языке перевода,

например, *низовка* (серб. нижни положај), *купец второй гильдии* (серб. провинцијски трговчић), *косоворотка* (англ. cross-stitched Russian-style shirt)

4. Приближенный перевод (за неимением прямого соответствия лексемы в переводящем языке, используется ближайшее по значению соответствие в языке перевода). Этот способ использован в следующих случаях: *баня* (серб. купатило, англ. bathhouse), *братина*, (серб. качица, англ. bowl).

5. Трансформационный перевод (перестройка синтаксической структуры предложения, полная замена значения исходного слова). Данный метод при переводе безэквивалентной лексики применяется реже других, например, *гуси-лебеди* (серб. птићи моји, соколићи, англ. boys and girls), *низовка* (англ. be demoted), *матушка-заступница*, *милиция-троеручица* (англ. Holy Mother of Divine Interception).

Сопоставление методов перевода безэквивалентной лексики на сербский и английский языки показывает, что для перевода одних и тех же лексем используются разные способы: например, лексема *кефир* переведена на сербский язык приблизительно (јогурт), а на английский — калькированием (kefir); лексема *истпарт* переведена на сербский калькированием (историја партије), а на английский — описательно (Official Soviet historians); лексема *богатырь* переведена на сербский язык описательно (руски народни јунак), а на английский — приблизительно (knight).

Наиболее сходные методы использовались сербскими и английскими переводчиками при переводе лексем тематической группы «предметы материальной культуры»: лексема *самовар* переведена транслитерацией (серб. самовар, англ. samovar), лексема *братина* переведена приблизительно (серб. качица, англ. bowl).

Отдельного внимания заслуживает перевод говорящих фамилий транслитерацией или транскрипцией, при котором лексическое значение фамилии не передается (Плотски-Поцелујев, Nebaba) за исключением тех случаев, когда в языке перевода имеется тот же корень, что и в языке оригинала — это касается интернациональной лексики (Талмудовски, Hygienishvili). В английском переводе в некоторых случаях значение говорящих фамилий передается частично, способом трансформации: *Святоцацкий — Indignatyev, Самообложенский — Overarchangelsky.*

Проанализировав переводы выбранных тематических групп лексем, можно сделать вывод, что переводчику не всегда удается передать стилистические оттенки слов, а семантика слова в исходном языке при переводе иногда до неузнаваемости трансформируется. Проведенный анализ подтверждает мысль о культурно-исторической уникальности разных народов, которая неизбежно отражается в языке, порождая безэквивалентную лексику. Полная передача семантики слова, включая качественно-эмоциональные оттенки значения и культурно-национальный колорит, практически невозможна, однако приведенные выше методы перевода могут помочь переводчику максимально точно передать значение слова, одновременно сохраняя национально-культурную самобытность текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. Фак. Высш. Учеб. заведений. — 2-е изд., стер. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2006. — 352 с.
2. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. Изд. 3-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 240 с.
3. *Будагов Р. А.* Общие проблемы страноведения и лингвострановедения // Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку. М., Из-во Моск. ун-та, 1977. — 210 с.
4. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1980. — 320 с.
5. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Три типа лингвострановедческого комментария // Русский язык в национальной школе, 1972, №1, стр. 34–36.
6. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Изд-во МГУ, 1973. — 235 с.
7. *Виноградов В. В.* История слов. М.: 1999. — 1138 с.
8. *Влахов С. Флорин С.* Непереводимое в переводе. М.: «Международные отношения», 1980. — 343 с.
9. *Воскресенская Л. Б.* К лингвострановедческому использованию безэквивалентной и фоновой лексики на начальном этапе обучения русскому языку // Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку. М., Изд-во Моск. ун-та, 1977. — 210 с.
10. *Душкова Н. А., Григорьева Н. Н.* Социальный портрет российского купечества в пореформенный период // Вестник Воронежского государственного технического университета. Выпуск № 11, том 4, 2008, с. 102–105

11. *Ермолович Д. И.* Великая сермяжная правда // Словесная механика. М.: Р. Валент, 2013. — 400 с.
12. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000
13. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
14. *Ильф И., Петров Е.* Золотой теленок. М.: Издательство АСТ, 2015. — 416 с.
15. *Ильф И., Петров Е.* Златно теле / Прево с руског Никола Николић. Београд: ЛОМ, 2015. — 336 с.
16. *Кобяков Д. Ю.* Приключения слов. Барнаул: Алтайское книжное. изд., 1975. — 96 с.
17. *Латышев Л. К.* Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв, вузов и фак. М.: издательский центр «Академия», 2005. — 320 с.
18. *Микулина Л. Т.* Национальное своеобразие русской коннотативной лексики // Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку. М., Изд-во Моск. ун-та, 1977. — 210 с.
19. *Морозов В. Б.* К истории становления социального партнерства в России в 1905–1917 годах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена № 41 / том 8 / 2007. С. 120
20. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; Отв. редактор канд. филол. наук Раренко М.Б. – М., 2010. — 260 с.
21. *Појмовник српске културе* [Электронный ресурс]. URL: <http://etnoinstitut.co.rs/cir/pojmovnik/b/belaNedelja.php> Дата последнего обращения 27.05.2017
22. *Пројекат Растко. Цетиње* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rastko.rs/rastko-cg/umjetnost/ppnjegos-svobodijada.html> Дата последнего обращения 26.05.2017

23. *Речник српскога језика* / [израдили Милица Вујанић и др.; редиговао и уредио Мирослав Николић]. — Нови Сад: Матица српска, 2007 (Нови Сад: Будућност), 2007, — 1561 с.
24. *Речник српскохрватског књижевног језика* (Матица Српска – Матица Хрватска: књ. 1–3): Нови Сад – Загреб, 1967–1969; (Матица Српска: књ. 4–6): Нови Сад, 1971–1976.
25. Соболев Л. Н. О переводе образа образом. М., 1955. — 290 с.
26. *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик I, Увод, Фонетика, Морфологија, пето издање. Научна књига. Београд, 1986
27. *Супрун А.Е.* Экзотическая лексика // Филологические науки. Москва, 1958. № 2. С. 50–54.
28. *Толковый словарь русского языка.* Т. 1–4 / под ред. Ушакова Д. И. М.: Терра, 2007.
29. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода. М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. — 416 с.
30. *Червинский П. П.* Негативно-оценочные лексемы языка советской действительности. Обозначение лиц. Томск: Изд. «КИТ», 2011. — 341 с.
31. *Шатков Г. В.* Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык (на материале переводов общественно-политической литературы): диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. М., 1952. — 205 с.
32. *Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. — 215 с.
33. *Dictionary.com* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionary.com/>
Дата последнего обращения 29.05.2017
34. *Ilf I., Petrov E.* The Golden Calf. Rochester, NY, Open Letter, 2009. 336 p.
35. *Macmillan Dictionary* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> Дата последнего обращения 29.05.2017

36. *Oxford Dictionaries* [Электронный ресурс]. URL:

<https://en.oxforddictionaries.com/> Дата последнего обращения 29.05.2017

37. *Poljanec R. F.* Rusko-hrvatskosrpski rječnik. Zagreb, Školska knjiga, 1962